

как смену точки зрения на него. Мощный буксир здесь превращается в игрушечный кораблик, который ногой можно оттолкнуть от причала: «старый боцман в зюйд-вестке /мой штурвал повернет /и ногой от причала /мне корму оттолкнет...»

Итак, можно сделать вывод о специфике данного стихотворения. «Баллада...» строится по принципу семантической двуплановости. В единой структуре здесь совмещены два полноценных и равнозначных авторских посыла, и какой из них станет доминирующим, зависит, преимущественно, от читателя. При этом «Баллада...» обладает еще одной существенной особенностью: будучи адресованной двум группам читателей, она содержит в себе такие идеи и мысли, которые, традиционно не затрагивались в детской поэзии, и которые поэт адаптируя, но при этом не упрощая, преподносит детям.

Библиографический список

1. Клоц Я. Иосиф Бродский: стихи для детей // Неприкосновенный запас. 2008, №2 (58). С.18-33.
2. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1998. 122 с.

СМЫСЛЫ ЧТЕНИЯ В РОМАНЕ Б. ШЛИНКА «DER VORLESER»

Т. Бер

2 курс, филологический факультет

Научный руководитель – ст. преп. Г.В. Заломкина

В романе Б. Шлинка «Чтец», вышедшем в свет в 1995 году и ставшем бестселлером во всем мире, чтение проходит сквозным мотивом. Чтение приобретает различные смыслы: часть эротического ритуала, условие социальной значимости, свидетельство нравственной зрелости. Герой и героиня существуют в разных мирах (чтения и «нечтения»), четко противопоставленных, точкой соприкосновения которых становится чтение вслух.

Бывшая надзирательница концлагеря Ханна Шмиц, скрывая свою неграмотность, стремится приобщиться к миру чтения, привлекая чтецов, сначала узиц концлагеря, а затем школьника Михаэля Берга. Это помогает ей почувствовать себя частью культурного мира, отделенность от которого она так остро ощущает. Чтение, а тем более написание книг для нее – таинства, в которые она не посвящена, но очень этого желает.

Ханна отрезана от окружающих людей, не имеет прочных социальных контактов, постоянной работы и места жительства, ограничена миром своего тела. Михаэль любит ее, но догадывается, что его место в жизни Ханны не очень значительно. Она живет здесь и сейчас, не думая о последствиях своих поступков, часто аморальных с точки зрения общества.

Ханна руководствуется собственными представлениями о том, что хорошо, а что плохо, не чувствуя разницы между официальными распоряжениями и моральным долгом. Кроме того, все ее усилия направлены на сокрытие своей неграмотности от окружающих. Многие ее поступки обусловлены именно страхом разоблачения. Красноречиво свидетельствует об этом поведение героини на суде, когда она, не оправдываясь, признает все, что соответствовало действительности, но отрицает ложное, при этом не признаваясь в своей неграмотности даже тогда, когда на кону стоит ее свобода.

В ее случае происходит замещение образованности повышенной сексуальностью. Это проявляется в излишней заикливости на внешнем виде и чистоте. Даже в эротический ритуал Ханны и Михаэля включен совместный душ, соседствующий с чтением вслух. Преодолев впоследствии неграмотность, женщина отходит от своих прошлых привычек, сосредоточившись на своем духовном мире. Однако ее суждения о книгах часто оказываются достаточно меткими и непредвзятыми ввиду отсутствия стереотипов, свойственных образованным людям. Незнакомая с творческой биографией писателей и мировой историей, Ханна часто воспринимает авторов как своих современников а исторические события как происходящие сегодня, только в иных странах.

Михаэль – часть культурного мира, неотъемлемой составляющей которого является чтение. Герой имеет склонность к рефлексии и анализу. Противопоставление мира чтения материальному миру ведется уже на его уровне: чтение до такой степени обостряет воображение подростка во время болезни, что герои прочитанных книг, кажется, присутствуют в его комнате. Герой неосознанно фантазирует о любви, и выздоровев, принимает решение пойти к Ханне, чтобы обрести ее в реальном мире.

Он постепенно вводит Ханну в мир культуры, читая ей вслух во время их недолгого романа, а затем записывая различные произведения на кассеты. После расставания с ней Михаэль оказывается не в состоянии выйти из роли чтеца, размышляет о том, подходит ли та или иная книга для чтения вслух. Взрослый Михаэль начитывает Ханне кассеты, но не отвечает на записки, которые женщина посылает ему из тюрьмы. Он чтец, а Ханна слушатель, и он не может отойти от этой модели.

Сравнивая звучащую речь с письменным языком, Ханна овладевает грамотностью. Научившись читать, героиня постепенно подходит к осознанию своей вины. Через чтение ее отношение ко многим вещам меняется, она получает доступ к самой себе, а также к документальной литературе и автобиографических записях о концлагерях. Груз ответственности, ранее не осмысленный и поэтому задвинутый на задворки сознания, выходит теперь на передний план: каждую ночь женщине представляются ее жертвы. Итогом ее осмысления становится самостоятельно вынесенный смертный приговор, который она и приводит в исполнение накануне дня освобождения.

Чтение показано в романе не просто необходимым навыком, оно – ключ к пониманию себя, своих чувств, осмыслению поступков. Без чтения невозможны становление личности, настоящая коммуникация и полноценная человеческая жизнь.

Библиографический список

1. Schlink B. Der Vorleser – Zürich: Diogenes Verlag, 1997. 208 S.
2. Кучумова Г.В. Роман в системе культурных парадигм (на материале немецкоязычного романа 1980-2000 гг.). Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. Самара, 2010. 49 с.

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПРЕССИОНИСТСКОЙ ПОЭТИКИ Л. АНДРЕЕВА

Б. Бояркина

4 курс, филологический факультет

Научный руководитель – доц. Л.Г. Тютелова

Специфика литературного процесса рубежа веков состоит в том, что реализм начинает не удовлетворять авторов.

Литература – отражение сознания. Сознание меняется под действием целого ряда факторов, таких как революция, мировая и гражданская война.

Меняется и искусство, поскольку прежние способы воздействия перестают «работать» с новым реципиентом, у которого поменялись моральные нормы, произошел кризис веры, идеологии, ценностной системы, философии. Искусство находит два пути выхода: уход в предельность реализма или отход от него. Один её вариантов последнего – это экспрессионизм. В нем проявляется попытка автора выразить субъективный опыт, а именно, то ощущение лихорадки, которое вызывает мир у человека.

Об экспрессионизме обычно говорят применительно к западноевропейскому, особенно немецкому, искусству первых десятилетий XX века. Но многие литературоведы видят эту поэтику и в творчестве российских авторов, в частности – Леонида Андреева [2]. Связь Андреева и немецких экспрессионистов обусловлена темами, которые волнуют писателя: глобальное одиночество, незащищенность человека, страх перед хаосом, сумасшествием и смертью, внимание к боли и нарушению законов и взаимосвязей этого мира. Для того чтобы адекватно реализовать эти темы, Андреев использует созвучные им приемы, которые помогают создать образ гротескного, пугающего мира. В качестве примера приведем рассказ «Красный смех», в котором, обращая внимание на специфику построения образа человека, можно отметить несколько характерных особенностей экспрессионистской поэтики.